РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ В XX СТОЛЕТИИ
документы, воспоминания, свидетельства

ОТКРЫВАЮЩИЕ НЕБО

Новомученики и исповедники

ОТКРЫВАЮЩИЕ НЕБО

Новомученики и исповедники

Составители
Дмитрий Михайлов
Татьяна Краснянская

САТИСЪ
Санкт-Петербург
2014

По благословению
Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского
ВЛАДИМИРА

В этой брошюре — жизнеописания новомучеников. Несколько трагически завершившихся судеб из многих тысяч замученных и расстрелянных наших соотечественников, оказавшихся ненужными новой власти. Их вина состояла лишь в том, что они верили в Бога и жили по законам любви и милосердия.

Братья и сестры, просим ваших молитв
об Алексии и Надежде, попечением которых
был издан этот сборник.

ISBN 978-5-7868-0091-4

Предисловие

«Прошло 75 лет с 1937 года, который вошел в историю с названием «Большого террора», когда практически закончилась ликвидация Русской Церкви, если говорить о ней в количественном смысле.

В 1937–1938 годах было уничтожено примерно 98% русских иерархов. Были закрыты все монастыри, духовные школы, почти все храмы. На территории бывшего СССР в 1939 г. осталось 300–400 храмов, которые коммунисты оставили, чтобы можно было сказать, что в России нет гонений на Церковь,– сказал протоиерей Владимир Воробьев, ректор Свято-Тихоновского университета, представляя новую книгу о новомучениках и исповедниках Российских. – Мы помним и чтим героев войны. Забыть о наших новомучениках, которые отдали свою жизнь за веру во Христа, за то, чтобы мы могли жить в Церкви, чтобы путь ко Христу не был отнят у нас,– это еще страшнее, чем забыть своих отцов, убитых на войне».

Конечно, память о войне – до сих пор кровавая рана в душе каждого русского. Трагедия не пережита и долгие годы заглушалась звуком фанфар. Погибли без счета солдаты – все их останки едва ли найдут поисковики-любители.

Погибли в лагерях или расстреляны новомученики – и почти ни о ком не можем сказать с уверенностью, где он погребен. Мы почти привыкли к тому, что многих не найдем, о многих не узнаем.

Когда турист из России приезжает в Германию, один из первых искренних вопросов, который возникает у него,— почему здесь на каждом углу натыкаешься на воспоминания о Холокосте? Почему перед тем или другим домом вмонтированы в брусчатку блестящие бронзовые таблички (10x10 см), на которых выбиты имена и даты жизни евреев, живших в этом доме, обстоятельства их депортации и убийства?

Немцы понимают, что история не может быть рассказана через колонки цифр. Разум не в силах представить себе ни 20, ни 6 миллионов убитых. Это слишком много, чудовищно много. Цифры пугают и пролетают мимо сознания. Но человек понимает ужас трагедии, когда, взяв стакан кофе на вынос, идет по солнечной улице и вдруг видит на доме табличку с именами. Вот здесь, именно здесь, в этом доме, на втором этаже жила семья сапожника, у них было трое детей, самому младшему полгода, старшей десять, их выселили, отправили в Треблинку. Погибли все. Депортированы и убиты. Черно-белые фотокарточки хроники оживают, погибшие будто становятся живыми соседями и друзьями.

За далью лет нам все труднее представить Советскую Россию, охваченную пламенем репрессий. То была и война с Церковью – на уничтожение. Смерть была рядом и далеко, смерть обволакивала, как воздух или моросящий дождь. К смерти привыкли. Смерть была реальной альтернативой для непослушных.

Репрессиям противостояли твердые духом новомученики Церкви. Вот типичный случай: «Ставя своей целью закрытие храма, власти угрожали отцу Сергию (Скворцову) арестом и требовали от него, чтобы он снял с себя сан через заявление в газету и написал, что не верит в Бога и дурманит народ». Но он с негодованием отверг это предложение. Тогда ему стали предлагать скрыться, уехать. «Уедешь, и, может быть, минет тебя “чаша сия”,— говорили ему “доброжелатели”». Но и это предложение он не принял, сказав: «Куда я уеду?

Как я буду смотреть народу в глаза?» (...) Священник Сергий Скворцов умер в Безымянлаге 25 марта 1943 года и был погребен в безвестной могиле.* Многим из них предстояло выдержать не только нечеловеческие пытки и допросы, но еще сделать мучительный и трудный выбор. «Прошу тебя... если ты жалеешь меня, откажись от своих ничего никому не дающих убеждений... Если согласишься со мной, я поеду с тобой хоть на край света, не боясь нужды. Но при мысли продолжать быть попадьей я вся содрогаюсь – не могу. Ответь мне, как быть?» (Из письма Ирины Грудинской своему мужу, о. Петру Грудинскому, будущему священномученику, 1930 г.)**

При чтении сохранившихся документов у наших современников может сложиться впечатление, что была какая-то часть законности в этом подобии следствия и судопроизводства. Ведь по бумагам получается: арестовали, приговорили, расстреляли. На самом деле приходится переводить каждое слово на язык человеческий. Зачастую один эпизод, сохранившийся в семейной памяти, говорит о человеке больше, чем многотомное дело, основанное на «ускоренном и упрощенном» следствии.

Арест... Арестовали – значит схватили. Тайный арест происходил ночью, чтобы никто не видел. Хватали и увозили. Часто – навсегда.

Допрос... Как добивались признания? Предлагали протокол допроса, написанный по шаблону, присланному из Москвы: «Я, такой-то, признаю, что состоял в контрреволюционной повстанческой организации», или «шпионской организации», или «мой друг, такой-то, шпион, диверсант».

---

* Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 7. Тверь, 2002. С. 76–83.

** «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Февраль».Тверь. 2005. С. 184–185.

Если схваченный отказывался подписать ложь, угрожали: «Будем арестовывать твоих, всю твою семью». Тут кто-то не выдерживал. Если выдерживал и это — начинались пытки.

Самая простая из пыток — стойка, «конвейер». Кажется, ну подумаешь, стоять. На деле это было ужасно. Это страшнейшие мучения, сопоставимые с мучениями ранних лет христианства. Следователь сидит, потом его сменяют, кто-то из них пьет чай или водку, звонит домой, поддевает какими-то фразами стоящего в углу заключенного, но редко дает присесть. А через несколько суток у стоящего начинаются галлюцинации. И в этом состоянии он может подписать все, что угодно, не отдавая себе отчета.

Свидетели по делу... Вот пример — расстрел монахинь Горицкого Воскресенского монастыря. Надо было выполнять план на аресты. И чекисты Белозерского оперсектора Ленинградского НКВД решили выполнить план за счет «монашек» давно разоренного монастыря. В качестве свидетелей вызвали их соседей по месту проживания и сказали: «Приближаются большие выборы в СССР, а тут живет контрреволюционный дух монашества, монашки ходят по деревням, настраивают против выборов, против советской власти. Мы на время их изолируем. Подпишите, что они такие плохие, контрреволюционные». Если кто из «свидетелей» не соглашался, клали перед ним на стол пистолет: «А вы что, заодно с ними?» Так появлялись «свидетельские показания». Бывших насельниц Горицкого монастыря арестовали в две-три ночи, всех, кого могли.

Суда, как правило, не было. Судили заочно. Была тройка, которую назначили из Москвы. В нее входили начальник управления НКВД, второй секретарь обкома партии, прокурор области. На тройку предлагали уже готовые списки. А тройка решала, иногда перелистывая дела, иногда нет — этих расстрелять, этим иногда, в редких случаях — 10 лет, или 8 лет лагерей. Суд — по рекомендации следователей. Так

ленинградская тройка приговорила к расстрелу и горицких насельниц.

Приговоренным к смерти правду не открывали. Врали до последнего момента – из страха, что они могут поднять бунт. Их выводили из камер и говорили, что они пойдут на профосмотр или медосмотр перед переводом в другое место. После этого им связывали руки. Отбирали личные вещи.

Расстрел... Это в документах значится, что всех расстреляли. Наблюдения, контроля за казнью не было. Многие, как показали исследования документов и мест массовых погребений, были убиты другими способами. Были случаи, когда обреченных на смерть еще до казни били дубинами по голове, по коленям, по ключицам, в грудь тычком, протыкали заточенной железной палкой, они задыхались в машинах-душегубках по пути на расстрел, им под ногти совали иголки. Их не только расстреливали: душили веревками, топили и даже рубили топорами.

После расстрела... Отобранные при расстреле вещи разворовывались или поступали в финотдел НКВД для оприходования в пользу государства. В одном из документов, наряду с перечислением изъятых вещей, значилось: «зубы и коронки желтого и белого металла»*.

Как много нам надо трудиться над памятью! И как мы опаздываем делать это. Поколениями в наших семьях родители не находили нужных слов и нужной решимости, чтобы рассказать своим сыновьям и дочерям о живой истории Церкви и гонений на Церковь, той истории, которой сами были свидетелями. Как справедливо пишет Сергей Аверинцев: «Малому дитяти не доверяют страшных тайн, чтобы они не омрачили его сознания, а он не выдал их врагам в своем

* Об этом можно прочитать более подробно, см.: А. Г. Тепляков. Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах. М.: Возвращение, 2007; А. Разумов. Скорбный путь соловецких этапов. Продолжение поиска//Ленинградский мартиролог. Т. 8. СПб., 2008.

лепете,– но дитя вырастает неприметно и быстро, и пока родители собираются с духом для разговора, перед ними, глядишь, уже парень, оболваненный школой и комсомолом, с которым поздно беседовать о мученичестве старших. Вчера было рано – завтра будет поздно: о, как хорошо был известен такой счет времени верующим родителям в нашей стране! (...) Теперешние церковные старушки в 20-е–30-е годы только рождались и были несмышленными младенцами, а от старших слишком мало слыхали. Попробуй растолкуй таким, что их век прожит «там, где престол сатаны». Они искренно, чистосердечно будут недоумевать: о чем это им говорят, что стряслось? Среди них немало таких, что в храм стали ходить, выйдя на пенсию (или дожив до «перестройки»), после беспорочно прожитой советской жизни: такая была хорошая жизнь, как все, так и я, начальство всегда хвалило и в пример ставило,– а теперь к Богу пора, только в чем же каяться?

(...) Компромиссы (церковной) иерархии начались после того, как большинство нации – будем называть вещи своими именами! – предало эту самую иерархию. Было корыстное и бескорыстное преклонение перед историческим успехом, исходящее из трудно преодолеваемого представления, что Бог всегда с победителями («История работает на нас», как пародия на «С нами Бог»). Сегодня «дети века сего совершенно так же принимают и выдают свое злорадство по поводу исторического поражения коммунизма за духовную победу над его ложью. Но в христианстве имеет цену только то, что решительно не зависит ни от чьей победы и ни от чьего поражения в истории».* В настоящем сборнике собраны примеры жизни простых людей, о подвиге которых игумен Дамаскин (Орловский) сказал: «Жизнь (и смерть) святых мучеников и подвижников есть воплощенный идеал истинного, духовного и возвышенного жития. И по этой причине она

* «Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991)». М.: «Пропилеи»,1995. С. 23.

нам может показаться странной и непонятной. Душа иного подвижника так чиста, так свободна от всяких греховных и омрачающих помыслов, что нам представить это трудно. Потому и описать душевное состояние подвижника нелегко, не сходно оно с нашим. Но я и не дерзал на это, а хотел лишь, чтобы читатель доставил себе душевную пользу и мог сказать: "Святые мученики, исповедники и праведники российские, молите Бога о нас!"»*

---

* Иеромонах Дамаскин (Орловский). «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним». Книга 1. — Тверь: Издательство «Булат», 1992 год, стр. 6.

http://www.fond.ru/module/module_article_item_view.php?show_date=0&article_page_content=4&show_preview_img=1&show_file_list=1&regime=site&content_id=62

Исповедник Георгий Седов

Заповедь новую даю вам:
да любите друг друга,
якоже возлюбих вы.
(Ин. 13, 34)

Егор Егорович Седов принадлежал к тому замечательному типу русских людей, ясность и простота души которых делала все их поступки основательными и каждый шаг надежным. Такие люди не обманулись подменой жизненных ценностей, не изменили своим жизненным принципам из страха, не утратили цельности, остались верными до конца. Их крепостью устояла Россия в годы невиданных по жестокости испытаний.

Родился Егор Седов в 1883 году в семье крестьянина деревни Чурилово Юрьев-Польского уезда Владимирской губернии. У него были две младшие сестры, Мария и Евдокия. Отец, Егор Седов старший, унаследовал и утвердил в своей семье русские православные традиции. Каждое воскресенье и во все церковные праздники он ходил в храм. И делал он это не потому, что так полагалось, а по сердечному расположению – любил он богослужение. Ближайший храм был в селе Лыкове, в трех километрах от дома, он был для них приходским. Но особенно любил Егор Седов молиться в соборе города Владимира. Ходил туда довольно часто, хотя до города было сорок километров. Детей, как подросли, брал с собой. Бывало, идут дети, а отец их обгоняет, так стремилась к храму, спешила его душа. Егор младший также

Владимир. Успенский собор.
Фото С.М. Прокудина-Горского.

стал прихожанином лыковской церкви и с радостью ходил молиться во Владимирский собор. Гостеприимный дом Седовых часто посещали священники из Владимира и монахи.

Учился Егор грамоте, как все крестьянские дети, в семье и с юности занимался крестьянским трудом.

В 1907 году Егор Егорович женился на Анастасии Степановне. С годами в их семье родились пятеро детей: дочери Анна, Мария, Анфиса, Серафима и сын Михаил. В церковь ходили все. Егор Егорович запрягал лошадь, сажал малышей в сани и вез в Лыково. В воскресные дни и в дни церковных праздников, даже при советской власти, не работал никогда, исполняя заповедь Божию: *Помни день субботний, еже святити его: шесть дней делай, и сотвориши в них вся дела твоя, в день же седьмый – суббота Господу Богу твоему* (Исх. 20, 8–10). Сам Егор Егорович всякое дело делал с молитвой.

В послереволюционные годы церковность семьи Седовых вызывала насмешки. Егора Егоровича прозвали монахом. «Монахи не женятся», – отвечал он резонно. В конце 1920-х годов он был избран старостой лыковской церкви. Егор Егорович был высокого роста, крепкого сложения и здоровья, хорошим хозяином и заботливым семьянином. Хозяйство у него было большое: две лошади, корова, огород, пасека. По советским меркам оно оценивалось как середняцкое. Оно требовало постоянного приложения труда.

Работали тоже всей семьей, дети сызмала помогали взрослым. Урожаи на их участке всегда были лучше, чем у сосе-

Иеромонах
Афанасий (Сахаров). 1913 г.

дей. «У всех не уродилось, а у нас уродилось» – вспоминала его дочь. Когда начались аресты духовенства, дом Седовых еще чаще стали посещать священники и монахи, в основном изгнанные из храмов и монастырей, в поисках временного крова и утешения. Приходили в сумерках, чтобы никто не увидел. Егор Егорович привечал всех; Анастасия Степановна накормит, напоит, а то и оденет, и ночевать оставит. Огород у Седовых был очень большой. Гости уходили на пасеку и молились там без свидетелей. Егор Егорович был глубоко предан Церкви. События, происходившие в ней, его волновали. И получилось так, что Господь послал ему кормчего в надвигавшейся буре. В 1918 году во Владимирскую епархию священноначалием был направлен иеромонах Афанасий (Сахаров), проходивший свое послушание сначала в должности преподавателя Владимирской Духовной семинарии.

В 1920 году он был возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Владимирского Рождественского монастыря. Егор Егорович стал близким и преданным духовным сыном отца Афанасия. Более чем через тридцать лет он будет писать письма Владыке Афанасию с тем же чувством горячей сыновней любви: «Христос посреди нас, наш родной и дорогой Папочка, приветствую с праздником...» [28 октября (10 ноября 1954 года)]. 27 июня 1921 года архимандрит Афанасий (Сахаров) был хиротонисан во епископа Ковровского, викария Владимирской епархии, и менее чем через год начался его исповеднический путь. Егор Егорович сразу принял на себя заботу о Владыке, сопровождая его сердечным и деятельным участием во всех многочисленных скорбях и испытаниях.

Они были одного духа — ревностные защитники Православия. Лыковский храм никогда не был обновленческим. А после появления июльской Декларации 1927 года и епископ Афанасий, и его духовный сын не приняли новую церковную политику митрополита Сергия (Страгородского) и его Синода.

Приезжая во Владимир, Егор Егорович всегда останавливался на ночь в доме Владыки. И епископ Афанасий, когда позволяли дела, приезжал к Седовым. Служил в лыковской церкви, гостил в Чурилове. «Он благословлял детей, учил их молиться, говорил — на клиросе петь надо. Мы, дети, его очень любили. Какой он хороший был! Папа его звал: “Владыко святый”. И все мы стали так его звать. А теперь он прославлен Церковью» — вспоминала Сима (Серафима Егоровна Седова). В один из таких приездов, в день Ангела Егора Егоровича, на службе в Лыкове епископ Афанасий говорил в проповеди о великомученике Георгии Победоносце, о мужестве исповедания веры, о верности Христу, о неприятии обновленчества. 2 января 1926 года, когда Владыку арестовали в девятый раз, эту проповедь ему поставили в вину. 20 января епископ Афанасий писал из тюрьмы своей маме Матроне Андреевне Сахаровой: «...В заключение следователь Ефимов спросил, не могу ли я указать свидетелей, которые опровергли бы обвинение по 69-й статье [антисоветская агитация в проповеди в Лыкове]. Я, конечно, никого не указал — зачем заставлять людей волноваться. Но если бы там [в Лыкове] кто-нибудь нашелся добрый человек, который бы не побоялся бы явиться в это прекрасное учреждение и опровергнуть донос, это было бы очень важно. Может быть, как-либо сумеете дать знать в Лыково». И в Лыкове «добрый человек» нашелся.

15 февраля на приходском собрании церкви села Лыкова, под председательством старосты Егора Седова, было решено ходатайствовать перед Владимирским ОГПУ об освобождении из заключения епископа Афанасия. Егор Егорович

был уполномочен собранием отвезти это прошение граждан во Владимир. 5 марта следственное дело было прекращено, и Владыка был освобожден. Но с 1927 года началось многолетнее непрерывное заключение епископа Афанасия. Участие и помощь Егора Егоровича сопутствовали Владыке все эти годы. Они регулярно переписывались, Егор Егорович посылал ему необходимые вещи, продукты и деньги. Наступило время, когда люди стали скрывать веру, боялись приходить в храм, исключали из своей жизни всякое общение с духовенством, жены и дети отрекались от преследуемых властями своих мужей и отцов-священников. Тогда Егор Егорович счел своим долгом члена Церкви заботиться о священнослужителях, заключенных в тюрьмы города Владимира, и о голодающих священниках на приходах во Владимире и Юрьеве-Польском. Он узнавал о них и привозил им мед со своей пасеки, картофель и другие продукты. Бывало, подъезжает он к дому, стучит. Матушка выглядывает с испугом: «Кто это?» Отец посмотрит и говорит: «Отворяй, свой». А Егор Егорович сбросит с телеги привезенное у дверей или калитки и – дальше в путь. А в доме его запасы не убавлялись, на всех хватало, и семья была всегда сыта. Бог посылал достаток.

В колхозы Егор Егорович никогда не вступал. В период коллективизации его двоюродный брат служил уполномоченным от сельсовета по деревне Чурилово. Церковность Егора Егоровича и благополучие его семьи вызывали неприязнь брата-уполномоченного, которая была так велика, что в 1932 году он ходатайствовал о том, чтобы Егору Егоровичу было дано такое твердое задание, выполнить которое он бы не смог и после этого был бы раскулачен. Ходатайство было удовлетворено, и Егор Егорович осужден на один год исправительно-трудовых работ, а все его хозяйство конфисковано.

Семья осталась без кормильца и без средств существования. Анастасии Степановне пришлось искать помощников

пахать землю. Старшая дочь Егора Егоровича Мария вышла замуж за прихожанина лыковской церкви. Они венчались, несмотря на издевательства и насмешки жителей села. Зять советовал Анастасии Степановне уехать из Чурилова. Предложил поселиться в Ярославле. Семья переехала, дом нашли за Волгой. Но жить там оказалось очень тесно и трудно, и работа нашлась только на другом берегу. Зять пошел советоваться к батюшке: куда переехать? Тот сказал: «Переезжайте в Тутаев, у меня там знакомые есть. Купят они вам дом, деньги отдадите после». Так и сделали. В 1933 году, после окончания срока заключения, Егор Егорович нашел работу, позволившую выплатить долг за покупку дома в Тутаеве: он нанялся в пастухи и работал столько времени, сколько потребовалось для сбора необходимой суммы.

В 1936 году на заработанные деньги он выкупил дом и сам переселился туда. В Тутаеве его дочь Анфиса работала на фабрике «Тульма». Егор Егорович также устроился на эту фабрику – ухаживать за лошадьми. Серафима Егоровна рассказывала: «Бывало, придет он на конюшню, а лошади, как услышат его голос, так все заржут! Его и лошади любили». Поселившись в Тутаеве, Егор Егорович стал прихожанином Воскресенского собора. Хорошо читая по-церковнославянски, он часто, особенно в будние дни, прислуживал псаломщиком. Тогда же познакомился Егор Егорович с членами подпольной общины непоминающих при храме в селе Котове Угличского района. Когда в Котово переехал епископ Василий (Преображенский), он стал иногда участвовать в тайных богослужениях архиерея.

В его доме по-прежнему останавливались изгнанные монахи и священники. Любили ходить к нему и нищие, Анастасия Степановна их кормила. Повторно он был арестован 24 декабря 1943 года. Егора Егоровича обвинили в антисоветской деятельности, участии в работе контрреволюционного подполья, нелегальном сотрудничестве с епископом

Василием (Преображенским), в проведении нелегальных религиозных обрядов. Он был допрошен шесть раз. Следствие длилось одиннадцать месяцев, а допросы – от двух до шести часов. Но ни в какой форме не согласился Егор Егорович приписать себе проведение антисоветской деятельности.

«В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю. Ни в какой антисоветской организации церковников я не был и антисоветской пораженческой агитации не проводил, клеветы на руководителей советского правительства не высказывал, ничего плохого против соввласти не говорил и фашистскую Германию не восхвалял. <...>

Исповедник Георгий Седов. Тюремное фото. Государственный архив Ярославской области.

– Назовите церковников, с которыми Вы вели антисоветскую работу.

– Таких знакомых у меня нет, так как антисоветской работы я не проводил».

Когда встал вопрос о епископе Афанасии (Сахарове), Егор Егорович, не скрывая того, что всем известно, предложил версию, полностью скрывающую подлинную историю и содержание дорогих ему отношений:

– Кто такой Сахаров Афанасий Григорьевич?

– Сахаров Афанасий Григорьевич – священник. До войны он проживал в Карело-Финской АССР и затем, при эвакуации, переехал на жительство в город Ишим Омской области. С ним я познакомился лет двадцать назад, когда он служил священником в городе Владимире Ивановской области. Тогда я возил продавать картошку и останавливался в их доме

ночевать. Его мать всегда покупала у меня картошку, и через нее я познакомился с Сахаровым.

Однако Егор Егорович не счел возможным даже перед следствием покривить душой относительно своего отношения к репрессированному Владыке.

– Следствию известно, что епископа Афанасия Вы намеревались взять на содержание и добивались разрешения на въезд его в Ярославскую область, выдавали за своего родственника. Какую цель Вы этим преследовали?

– С какой целью Сахаров намеревался приехать на жительство в Ярославскую область, мне неизвестно. Оказывая ему помощь в этом, я преследовал только одну цель: обеспечить спокойную старость своему близкому знакомому, которого я ценил не менее, чем близкого родственника.

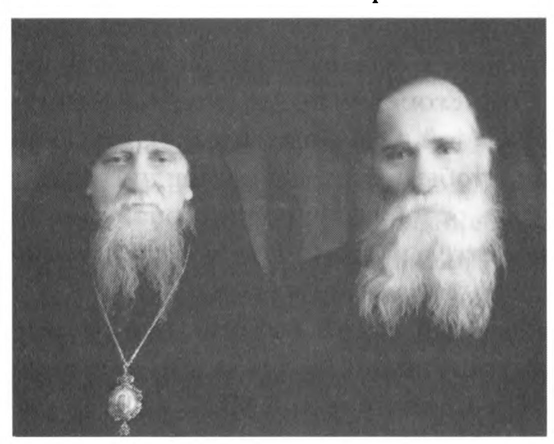
Несмотря на все давление следствия, самое главное в жизни Егора Егоровича – его служение Церкви – осталось сокрытым. Так и не удалось следствию собрать достаточных оснований для осуждения Егора Егоровича. 7 октября 1944 года, по приговору Особого Совещания, Седов Егор Егорович был освобожден.

Выйдя из тюрьмы, Егор Егорович узнал, что епископ Афанасий был арестован в Ишиме незадолго до него, и все хлопоты о переводе Владыки в Тутаев остались напрасными. Еще десять лет искал Егор Егорович возможности избавить его от бесконечных страданий. Освобожденный из тюрьмы, он не затворился в доме, чтобы не слышно и не видно никому дожить век, но, добиваясь освобождения епископа, продолжил свою энергичную деятельность: писал ходатайства во все инстанции, консультировался с юристами.

Через три года епископ Афанасий был признан инвалидом, но содержался в лагере. 5 марта 1952 года, по окончании срока заключения, Особое Совещание при МГБ СССР приняло постановление об освобождении Владыки и направлении его в Дом инвалидов под надзор МГБ. Но лишь через два года,

18 мая 1954 года, епископ был перевезен в Зубово-Полянский Дом инвалидов. Егор Егорович поехал к Владыке. Наконец увиделись. Посидели на бревнышках, переговорили обо всем, что наболело… После свидания в доме инвалидов Владыка Афанасий писал ему: «Милость Божия буди с Вами, мой милый, мой дорогой Георгий Георгиевич!.. Не нахожу слов, чтобы выразить Вам и мою благодарность, и мою признательность, и мою любовь к Вам. Поистине можно сказать вместе с церковным песнописцем “Се коль добро и коль красно самобратная любовь рабов Твоих, Христе Боже: ихже бо рождество плотское братий не сотвори, но братолюбная вера православная крепче плотскаго родства соедини”». Вернувшись, Егор Егорович начал вновь ездить в Москву, подавать ходатайства, уповая на благоволение Божие. С Владыкой переписывался каждые несколько дней.

Наконец, в марте 1955 года, ему удалось забрать совершенно больного епископа Афанасия из Дома инвалидов, взяв его на поруки. Епископ был в полном изнеможении, едва ходил. Егор Егорович бережно привез его в Тутаев, к себе домой. До 24 октября прожил Владыка в его доме, окруженный любовью и заботой Анастасии Степановны и ее дочерей Анфисы и Серафимы. После отъезда епископа Афанасия во Владимирскую епархию погрустили в семье Седовых: «везде стало пусто», «вроде потеряли [что-то]». Но главное, как всегда, забота о том, чтобы Владыке было лучше: «От всего нашего семейства пожелания Вам от Господа доброго здоровья и хорошего благоустроения…» на новом

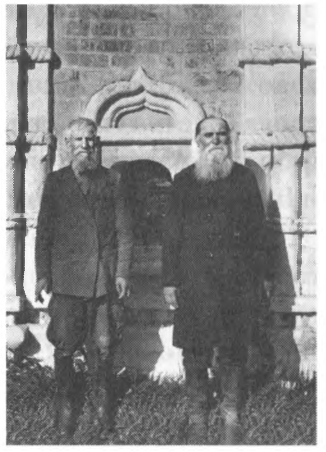

Егор Егорович Седов с епископом Афанасием (Сахаровым). Семейный архив Седовых.

месте (письмо от 31 октября 1955 года). Связь их по-прежнему не прерывалась. Когда мог, ездил Егор Егорович во Владимир, привозил все необходимое для Владыки. Когда не мог, писал письма и посылал посылки. И Владыка писал в ответ, посылал и посылочки к праздникам, которыми Седовы очень дорожили.

Еще ко времени освобождения епископ Афанасий написал два письма своим духовным чадам, призывая их к воссоединению с Московской Патриархией. И в 50-х годах Егор Егорович стал старостой Воскресенского собора в Тутаеве.

С любовью заботился он о храме. Порядок был во всем, и ремонт он производил, и в хозяйстве все имел, и денег в храме было достаточно. Нелегко и непросто давалось ему это служение. Много тяжелых скорбей и искушений принесло оно. На праздник Рождества Христова «меня как дубинкой [настоятель] ударил в голову... весь праздник болела голова... надо самому отказаться, подать заявление об уходе. Только вроде самому отказаться от Спасителя страшно, и народ не велит...» — писал он епископу Афанасию (15 января 1957 года). Имелся в виду чудотворный образ Спасителя, оплечный, огромный, XV века — главная святыня тутаевского собора и одна из самых почитаемых в Поволжье.

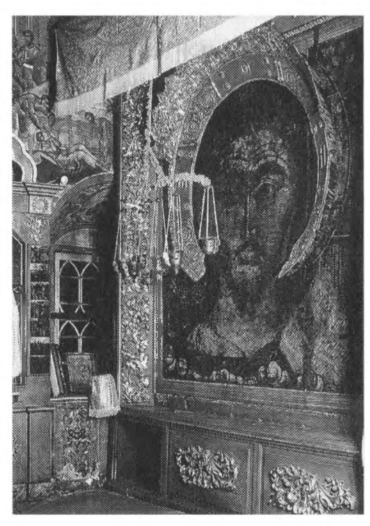

Егор Егорович Седов (справа) у стены Воскресенского собора. Семейный архив Седовых.

Обо всех своих делах, новостях и бедах писал Егор Егорович в Петушки епископу Афанасию, прося совета и молитвенной помощи: «Я, многогрешный, прошу Ваших святых молитв и благословения и целую Вас, сердечно горячо любящий Вас Егор». И Владыка помогал, советом, делом и молитвой.

В 1959 году, во время ремонта стены храма, Егору Егоровичу на голову упали три связанные между собой лестницы. Он домой дошел сам, но после слег. Он проболел около года.

Выздороветь не удалось. Анастасия Степановна скорбела, а Егор Егорович ее уговаривал: «Видно, так Богу угодно». «Тятя... болел очень шибко, – писала Владыке дочь Сима, – он у нас никогда не охнул, был большой терпеливец. А было ему ни сидеть, ни лежать – была водянка и нарывы. Тятя все просился: “Отпустите, отпустите меня”, а я ему говорю: “Куда тебя отпустить?” Говорит: “Домой, на тот свет”... все просился, говорил: “Мне здесь надоело, там лучше”. В десять часов вечера кричал: “Ангел! Ангел!”, а на другой день помер».

Скончался Егор Егорович 16 декабря 1960 года. Отпевали его на Николу два священника, диакон и все певчие. В начале отпевания от иконы Спасителя («отколь взялась?» – отмечает в письме Серафима Егоровна Седова) вылетела большая красивая бабочка. Она летела перед священником и опустилась на руки, сложенные на груди усопшего. Отец Иоанн, служивший отпевание, любил порядок. «Уберите бабочку» – сказал он. Но никто ее не тронул. Бабочка сидела, трепеща крылышками, затем поднялась и полетела к иконе Спасителя, а от иконы полетела обратно и села на левое плечо Егора Егоровича. Затем она снова взлетела и опять полетела к образу Спасителя, и в третий раз подлетела к усопшему, но лишь покружилась над ним и улетела к той же иконе. «Очень все дивились, что таковог чуда [никогда еще] не было». Во время поминок бабочка летала по дому.

Почитаемая икона Спасителя Воскресенского собора г. Тутаева.

На сороковой день и в годовщину смерти она прилетала опять и в храм, и домой. Позже ее не видели. 28 октября 2000 года, в день памяти священноисповедника Афанасия (Сахарова), во Влади-

мире состоялось торжественное перенесение его святых мощей. На следующий день после этого торжества в Ярославле, в Государственном архиве Ярославской области, на столе перед одним из архивистов лежало огромное следственное дело 1943–1944 годов. Желая просмотреть материалы дела, он открыл его и сразу попал на страницу, где было написано до того неизвестное имя заключенного: «обвиняемый Седов Егор Егорович». Словно прославленный святитель Афанасий захотел, чтобы его преданный духовный сын, с которым «братолюбная вера православная крепче плотскаго родства соедини», деливший скорби его многострадальной жизни, теперь разделил с ним радость церковную, и — вызвал его из забвения.

Подвиг всей жизни Егора Егоровича — исповедничества, самоотверженного служения репрессированному духовенству и в особой степени епископу Афанасию, преданность Святой Церкви Христовой не вызывали сомнения. И очень скоро, уже 27 декабря 2000 года, постановлением Священного Синода Русской Православной Церкви Егор Егорович Седов был причислен к лику святых исповедников. Осенью 2001 года последняя дочь Егора Егоровича Серафима однажды увидела во сне своего отца. Он шел, так быстро и радостно, от кладбища к храму. А утром ее пригласили участвовать в обретении его святых мощей. По обретении гроб на руках перенесли в Воскресенский собор города Тутаева. Здесь мощи исповедника Георгия покоятся до сего дня.

Тропарь, глас 4-й

Основавый житие свое на камени веры, исповедниче святе Георгие, устоял еси во дни лютаго искушения, положил еси душу за Церковь, за други своя, послужил еси многострадальному святителю Афанасию, с нимже предстоиши ныне Престолу Божию, Христа Спаса моля о спасении душ наших.

Кондак, глас 4-й

Днесь радуется славная земля Ярославская, обретши святыя мощи твоя, исповедниче святе Георгие. Лжепастырем преданный власти богоборней, узами и лишеньми искушен быв, простотою и твердостию мудрования лукавая отвергл еси. Послуживый Церкви страждущей, гонимым чадам ея, ктиторским служением своим храмы Божия украсил еси. Явился еси слава Церкве, о нейже непрестанно моли, да непоколебиму утвердит ю Христос.

В 1918 году святитель Афанасий вместе с профессором Б. А. Тураевым составил по поручению Поместного собора «Службу всем святым, в земле Российской просиявшим», в которую вошли тропари, посвященные новомученикам:

«О новых страстотерпцев! Подвиг противу злобы убо претерпеша, веру Христову яко щит пред учении мира сего держаще, и нам образ терпения и злострадания достойно являюще. О твердости и мужества полка мученик Христовых, за Христа убиенных! Тии бо Церковь Православную украсиша и в стране своей крови своя, яко семя веры даша и купно со всеми святыми достойно да почтутся».

Это пророческое слово, сказанное им в ту пору, когда никто не мог даже предположить масштаб предстоящих гонений, он сам и его духовный сын Георгий Седов достойно воплотили в жизнь.

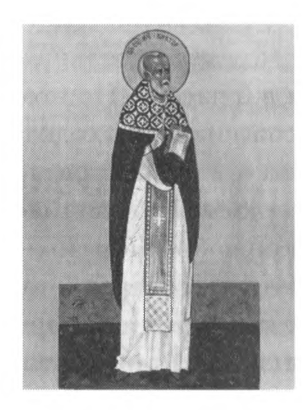
Основные источники для составления жития:

1. ГАЯО. Ф. Р-36987. Оп. 2. Д. С-11916.

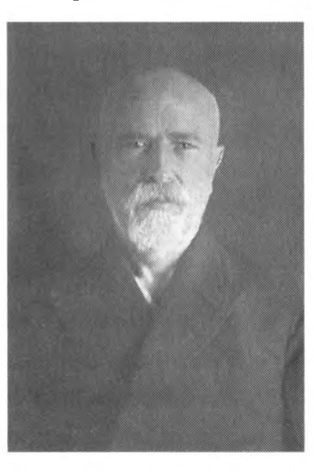
2. Молитва всех вас спасет. М.: Изд-во ПСТБИ, 2000.

3. Рассказ дочери Егора Егоровича Серафимы Егоровны Седовой.

Новомученики Бердянские

Икона свщмч. Виктора Киранова.

Священномученик Виктор Киранов родился 8 марта 1881 г. в селе Мануиловка Бердянского уезда. После окончания Таврической семинарии он в 1903 г. поступил в Юрьевский университет, но уже в следующем году оставил его, решив посвятить себя служению Церкви. С 30 октября 1905 г. в сане иерея он служил в различных приходах Таврической епархии. В начале 20-х годов отец Виктор был возведен в сан протоиерея и назначен настоятелем Вознесенского собора города Бердянска, в котором прослужил вплоть до его закрытия в 1928 г. В этом же году храм был взорван, и отец Виктор перешел служить в Покровскую церковь, настоятелем которой, а также благочинным Бердянского округа оставался до своего ареста. Многие священники из разрушенных церквей находили пристанище при Покровском храме: их оформляли певчими, сторожами и пр. Кроме того, была заведена кас-

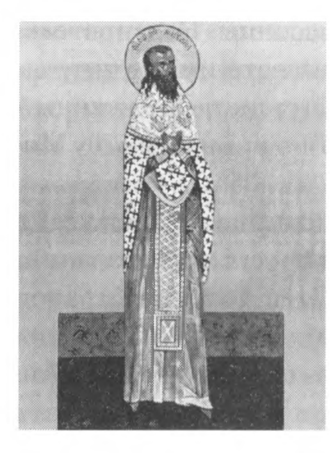

Священномученик Виктор Киранов.

са взаимопомощи для поддержки малоимущего духовенства, благодаря которой от голодной смерти были спасены семьи многих гонимых клириков.

Протоиерей Виктор делал все возможное, чтобы отстоять последний в городе храм, однако силы были неравными, и храм безбожными властями был закрыт. В начале лета 1937 г. отца Виктора арестовали. На допросах священник держался мужественно, все возведенные на него клеветнические обвинения отрицал. О том, как проходило следствие, он писал родным: «... Сперва отборная, пересыпанная матерщиной ругня, затем толчки, удары до грыжи, а затем бессонная стойка в течение 300 часов с перерывом в 6 часов». Но это не сломило дух исповедника: «Путь ко спасению проходит нормально, по указанию апостола Иакова – сперва страдания, затем терпение, а перенося их, приучаешься к смирению, которое, надеюсь, породит в будущем любовь и приведет ко спасению... Страдаю я, как вам известно, совершенно невинно юридически и фактически, так как перед государством и перед властью ни в чем не повинен, весь город это может подтвердить... Перед Богом же виноват за многие и многие грехи, за что и несу это ужасное наказание как заслуженное. Карцер – отсюда только и просить Бога, чтобы простил меня, а я Его лишь благодарю за милость исправления этим путем. Всех вас прошу: да будет мир между вами во спасение ваше, а мне в утешение».

29 октября 1939 г. тройка при НКВД осудила священника на 8 лет лагерей. Скончался протоиерей Виктор в лагере 30 марта 1942 г.

Священномученик Михаил Богословский родился 5 сентября 1883 г. в селе Сошки Тамбовской губернии, Липецкого уезда, в семье псаломщика. В 1909 г. окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию со званием кандидата богословия. Еще студентом он отличался смирением, сдержанностью, особым молитвенным настроем, мудрой трез-

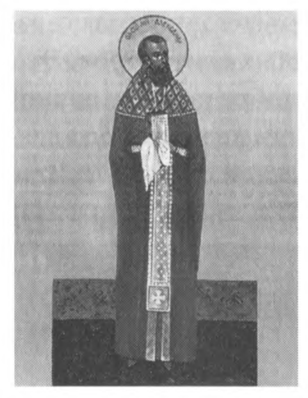

Икона свщмч. Михаила Богословского.

венностью в суждениях, углубленным интересом к богословским наукам. Преподавал в Таврической семинарии вплоть до ее закрытия 4 июля 1921 г. Михаил Константинович принял решение стать священником в то время, когда новая власть начала закрывать церкви и объявлять ее служителей вне закона. В 1921 г. он был рукоположен во иерея и направлен в Вознесенский собор города Бердянска. В начале 20-х годов отец Михаил нередко принимал участие в популярных в то время диспутах на религиозные темы, которые, благодаря его философской и богословской эрудиции, а также проповедническому дару, неоднократно заканчивались посрамлением малограмотных агитаторов. Это помогало простым людям правильно разобраться в сложной церковной ситуации тех лет. За свою проповедническую деятельность отец Михаил был впервые арестован в 1924 г. Второй раз его арестовали в начале лета 1937 г. вместе с другими священниками города. На допросах в запорожской тюрьме он держался стойко и мужественно; мучители, глумясь над священнослужителем, выбрили ему на голове крест. Отец Михаил был осужден на 5 лет лагерей. Протоиерей Виктор Киранов оказался с ним в одном бараке. В своих письмах родным он, отмечая кротость и смирение соузника, называл его «преподобный отец Михаил». Сохранилось свидетельство, как блатной садист, издеваясь над отцом Михаи-

Священномученик Михаил Богословский.

лом, вырвал ему по волоску брови и ресницы. Надзиратель, увидев это, ужаснулся и потребовал назвать имя мучителя, но священник отказался. И лагерный садист, пораженный любовью и великодушием пастыря, тайно пришел к отцу Михаилу и со слезами просил прощения.

Протоиерей Михаил Богословский мирно отошел ко Господу, со смирением испив всю чашу своих страданий, 28 марта 1940 г. в Краслаге НКВД. Отец Виктор Киранов стал свидетелем смерти протоиерея Михаила. Он писал домой: «Думаю, почти верю, что Господь принял душу его как праведника и человека, равного другим святым, угодившим Ему. Жизнь последнего была такова, что если вера наша не суетна, а она, без сомнения, истинна, то он, по аналогии со всеми святыми, без сомнения, предстоит у Престола Всевышнего во всей славе своего славного жития».

Икона свщмч. Александра Ильенкова.

Священномученик Александр Ильенков родился 9 апреля 1896 г. в Крыму, в пос. Судак, в семье священника. Окончил Таврическую семинарию. Был разносторонне образованным человеком, хорошо разбирался в медицине, знал французский и греческий языки. После революции семья Ильенковых перебралась в село Черниговку Бердянского уезда. Священный сан Александр Александрович принял в неспокойный 1924-й год и, как предостерегали близкие, его пастырская жизнь сложилась исключительно трудно, служение

Священномученник Александр Ильенков.

проходило в деревнях в наиболее трагический период для крестьянства. Его вдохновенные проповеди и пастырское окормление спасли многих от духовной гибели. В 1930 г. семья священника пережила комсомольский погром и была вынуждена перебраться в город Бердянск. Со смирением, безропотно отец Александр работал на самых черных и низкооплачиваемых работах, чтобы прокормить семью. Как и многие, он оказался при Покровском храме и после его закрытия в 1937 г. был арестован. На допросах, несмотря на изощренные пытки и избиения, виновным себя в клеветнических обвинениях не признал. Был направлен в Соликамский Усомлаг, где сподобился праведной кончины 14 марта 1942 г. в 46 лет.

Встреча с дочерью святого

Каково это – жить, зная, что твой отец – святой? Размышлениями об этом делится клирик храма в честь Новомучеников Бердянских протоиерей Евгений Клименко, навестивший дочь о. Александра Ильенкова.

После окончания Литургии едем в гости к дочери новомученика. Выбираем цветы для Зои Александровны, покупаем нехитрые гостинцы.

Подходим к маленькому домику за деревянным забором. Нас встречает внучка новомученика – Валентина: к сожалению, Зоя Александровна уже не встает с постели. Входим в скромное жилище: все очень просто устроено, из «ценностей» только иконы и старые семейные фотоснимки. На кровати сидит старенькая седоволосая женщина, пытается разглядеть своих гостей.

Здороваемся с ней, дарим цветы, подарки, с трудом сдерживаем волнение, ведь перед нами – живая история. Начинается наше общение с Зоей Александровной, и сразу на душе становится тепло и празднично. Несмотря на свой

преклонный возраст, она сохранила ясный ум и хорошую память. Как говорит сама Зоя Александровна, все это благодаря молитве, кто молится – тому Господь и ум, и память продлевает.

Много рассказывает об отце, какой он был в семье, как любили его родные и прихожане. Был всесторонне развитым, трудолюбивым. И иностранные языки знал, и в медицине разбирался, и гвоздь забить, и корову сдоить мог, если нужно было. Не гнушался никакой работы в последнее перед арестом время, чтобы прокормить семью. Таким он и запомнился дочери, такой его образ она и хранила в своей памяти всю свою нелегкую жизнь, все время ощущая его незримую поддержку и заступничество.

После ареста в семье о. Александра остался сын Нил, дочь Зоя и приемный сын Арсений. Тяжело даже представить себе, что пришлось испытать матушке и детям. По рассказам Зои Александровны, от голодной смерти их спасла швейная машинка «Зингер», которая и сейчас как реликвия хранится у нее в доме.

Беру в руки старые, пожелтевшие от времени, фотографии. Вот она – святость, на меня с фото «смотрит» подвижник своего времени. Взгляд сосредоточенный, полный спокойствия и душевной чистоты, на руках он держит маленькую дочь, которой суждено будет пройти сложный жизненный путь дочери врага народа. Внимательно вслушиваюсь в слова интеллигентной, умудренной временем женщины, которая излучает невидимый свет и теплоту своего внутреннего мира. Зоя Александровна, будто читая мою мысль, говорит мне: «Не думайте, о нас, что мы уж такие святые. Бывало, что и ссорились с братом, и шутили друг над другом, и много чего в жизни было, но всегда любовь побеждала все жизненные неурядицы».

С трепетом в душе хранит она детские воспоминания о Прощеном воскресении. С большим волнением ожидали отца из храма, затем становились на колени и просили про-

щения друг у друга. Все это происходило в торжественной и трогательной обстановке.

Медленно Зоя Александровна переходит к рассказу о духовной связи с отцом. Когда была в немецком лагере, в ночь смерти папы, 14 марта, увидела сон: как будто на небе распускается прекрасный бутон розы и из него появляется лик Спасителя, а рядом в священническом облачении коленопреклоненно молящийся папа. «Вот и перед вашим приходом снился мне отец,— говорит она,— в другой комнате говорил по телефону, долго, что-то рассказывал, а утром вы звоните, что в гости приедете».

Дочь священномученика
Зоя Александровна.

Вспоминаю дом, где хранятся живые воспоминания о небесном покровителе нашего города, и мысли о жизни новомученика не покидают меня. Как же много нужно испытать и претерпеть до конца в своей жизни, чтобы стать святым...

Священномучениче Александре, моли Бога о нас!

Источники:

«Биография Новомучеников Бердянских»// Официальный сайт Бердянской епархии Украинской Православной Церкви, Московский Патриархат.

http://eparhiya.com.ua

Прот. Евгений Клименко. Встреча с дочерью святого// сайт «ПравМир в Украине».—7 Мая 2013 г. (в сокращении).

http://ua.pravmir.ru

Исповедница Ираида Тихова

Великое бедствие богоборческих гонений, постигшее Русскую Церковь в XX веке, пронизало ее до самой глубины. В храме каждого затерянного в российских просторах села оно ощущалось со всей остротой, звало людей на подвиг верности Христу. В 1896 году в маленьком селе Котове, расположенном на берегу Волги в четырех километрах от Углича, в благочестивой семье крестьянина-середняка Осипа Ивановича и Анны Александровны Тиховых родилась дочь Ираида. В кругу семьи ее звали Раей. В семье было семеро детей: братья – Иван, Алексей и Николай и сестры – Анна, Серафима и Мария. Николай рано умер в селе Муравьеве, Мария вышла замуж и уехала в Ленинград, Алексей женился и уехал в Москву. Остальные братья и сестры прожили всю жизнь с родителями в Котове в безбрачии. В центре села возвышалась Успенская церковь, построенная, вероятно, в 1812 году, окруженная небольшим кладбищем. Дом Тиховых стоял напротив церкви, окнами был обращен к паперти, основательный, просторный, на кирпичном фундаменте, таком высоком, что рукой до окна

Ираида Тихова
учительница.

было не достать. Сзади к дому пристроен был сарай, а за ним отдельно стояла банька. Осип Иванович и все его дети были постоянными прихожанами своего храма. Село Котово отличалось (и поныне еще отличается) от окружающих деревень добродетельностью жителей. Черное слово в их семьях не звучало, чрезмерное винопитие не было принято, дети на улице после восьми часов вечера не играли и не шумели.

Ираида с детства имела сильное желание стать учительницей, но у родителей не было денег на обучение. Потому образование она получала без системы, самостоятельно. В молодости девушка ходила пешком в Ростов, за восемьдесят пять километров, чтобы сдать экзамены на учительницу школы грамоты, но не смогла – не хватило знаний. В 1918 году, по благословению Владыки Серафима (Самойловича), в Угличе открылись годичные курсы при Учительской семинарии. Ираиду на них приняли, поверив, что она изучит семь предметов, которых при поступлении не знала. Занималась девушка со всем усердием. По окончании курсов из двадцати семи слушательниц только трое сдали все двадцать шесть зачетов. Одной из них была Ираида Тихова. Она получила место учительницы в школе села Архангельского-в-Бору и проработала в ней пятнадцать лет.

В 1922 году Угличский архиепископ Серафим (Самойлович) учредил вечерние богословские курсы. Девушка очень хотела их посещать, ходила раз восемь, но больше не смогла – она ежедневно работала, а школа, в которой она преподавала, находилась в одиннадцати километрах от Углича. За время учения в Угличе Ираида сблизилась с Владыкой Серафимом, оказалась в курсе церковных проблем и споров своего времени. После выхода Декларации митрополита Сергия она с полным убеждением присоединилась к непоминающим. «Лично я митрополита Сергия не считала законным Местоблюстителем Патриарха,– говорила она позже,– так как это место принадлежит митрополиту Петру (Полянско-

му). Ввиду этого духовенство сергиевской ориентации я не признавала». В 1931 году архиепископ Серафим был арестован. Репрессии коснулись и его окружения. Ираида Осиповна тоже была тогда арестована и ненадолго заключена в тюрьму. После освобождения она ездила (по некоторым сведениям, не раз) в ссылку к Владыке Серафиму. В течение всей жизни она оказывала очень широкую материальную помощь осужденному духовенству. В 1934 году Ираида Осиповна была арестована Ивановским УНКВД по обвинению в антисоветской деятельности и двадцать четыре дня находилась в заключении, после чего была освобождена вследствие признания ее невиновности.

После этого РайОНО отказало ей в восстановлении на работе в той же школе и рекомендовало школу сменить. Ираида Осиповна отказалась это сделать и уволилась. Она вернулась в Котово и поступила учительницей в школу близлежащего села Горки Покровские. Школа эта ранее принадлежала мужскому Покровскому монастырю. Село располагалось на вершине холма, а монастырь и школа находились у его подножия, на берегу Волги. К концу тридцатых годов монастырь был давно закрыт, архимандрит и часть братии замучены и убиты, а школа продолжала работать как общеобразовательное начальное государственное учебное заведение. В 1941 году, при сооружении Угличской ГЭС, монастырь взорвали. Когда уровень воды поднялся, остатки монастыря и школа были затоплены. Преподавательская деятельность Ираиды Осиповны окончилась. В своем селе Ираида Осиповна служила регентом церковного хора. В ее хоре пели человек 12–14, некоторые певчие приходили за несколько километров из окрестных сел: Селиванова, Осеняева и из Углича.

1 апреля 1942 года в Котово приехал освобожденный из ссылки епископ Василий (Преображенский). Ираида Осиповна предложила Владыке поселиться в ее доме. Епископ

предложение принял. Живя в Котове, он организовал евангельский кружок, одним из членов которого была Ираида Осиповна. В ее баньке он устроил тайную домашнюю церковь и служил в ней. Пели Ираида Осиповна и несколько певчих храма села Котова. Ираида Осиповна была одним из самых активных членов котовской церковной общины. И о благолепии храма заботилась, и о сохранности его, и о служащих священниках, в частности, брала на себя тягостную миссию взаимоотношений церкви с райфинотделом, сама относила туда налог. В этой церкви около тридцати лет служил священник Константин Дмитриевич Соколов. Он пользовался большим уважением и авторитетом не только в своем селе, но и в окрестных деревнях. Хотя к селу Котову проезжей дороги не было, на службу в Успенской церкви и в 30-е, и в 40-е годы собирались верующие из окрестных деревень, приходили проселком, приезжали по бездорожью – все остальные храмы Угличского района были давно закрыты. В сам праздник Успения единственная улица села, старательно выметенная накануне, была переполнена паломниками, приехавшими на телегах. Отец Константин был ревностным и заботливым пастырем. Когда в одной из деревень после смерти молодой женщины осталась круглой сиротой ее девятилетняя дочь Анастасия Барышева, батюшка взял девочку в свою семью. Когда она стала взрослой, на ней женился Алексей Осипович Тихов.

Отец Константин поминал митрополита Петра (Полянского) и епископа Серафима (Самойловича), а митрополита Сергия не поминал и церковного общения со священнослужителями сергиевской ориентации не имел. В августе 1943 года в его храме хотел служить архиепископ Ярославский Иоанн (Соколов). Не желая изменить своим принципам, отец Константин отказал ему в приеме как сергианцу. Владыка незамедлительно ходатайствовал перед властями о снятии отца Константина с регистрации, и 20 августа пре-

старелый священник (ему было шестьдесят восемь лет) был отстранен от места. Он был больным человеком и тяжело переживал увольнение. Ираида Осиповна начала хлопотать о его восстановлении. Но 6 ноября 1943 года она была арестована. А через полгода, 9 мая 1944 года, отец Константин Соколов скончался и был похоронен у алтаря своей церкви. Агентурные сведения, необходимые для ареста Ираиды Осиповны, сообщила свидетельница Клушина Александра Павловна. Эта женщина была эвакуирована из Ленинграда во время блокады. Она зарубила топором хозяйку дома, в котором поселилась, тело разрубила и выбросила в прорубь, в Волгу, а соседям сказала, что та ушла в город и не вернулась. По просьбе колхозного бригадира Ираида Осиповна ходила в милицию заявить о пропавшей. Клушина пригрозила ей: «Я покажу Тиховой, как ходить в милицию и заявлять!» Она написала два доноса, от своего имени и от имени зарубленной ею женщины, и передала их в органы НКВД. Преступление раскрылось, Клушину приговорили к заключению в концлагерь на восемь лет, но оба ее «показания» были оставлены в деле и использованы в качестве основания для ареста.

Ираида Тихова. Тюремное фото. Государственный архив Ярославской области.

При обыске в доме Ираиды Осиповны были найдены и изъяты святой антиминс, панагия, два серебряных креста, две иконы, полное архиерейское облачение и вся церковная утварь, необходимая для богослужения. Ираида Осиповна обвинялась как участница антисоветской нелегальной церковной организации и в проведении антисоветской агитации. Наличие тайной

антисоветской организации и свое участие в ее работе она категорически отрицала.

— В предъявленном обвинении виновной себя не признаю, никакой антисоветской работы я ни с кем не вела. <...>

— В антисоветской работе Вас изобличает ряд лиц, находящихся с Вами в близких отношениях. Прекратите бесцельное запирательство.

— Пусть изобличают, но я по-прежнему буду говорить одно и то же, так как антисоветской деятельности у меня не было. <...>

— Вам зачитываются показания Преображенского Василия... Что Вы на это скажете?

— Это ложь... Являясь глубоко верующей, я только проводила активную церковную работу.<...>

— Какую работу Вы проводили совместно с Преображенским?

— Никакой антисоветской работы я и Преображенский не проводили, мне даже почти не приходилось с ним разговаривать. <...> Преображенский, проживая у меня, никого не принимал и только ходил в церковь. <...>

— О Вашей антисоветской деятельности следствию известно. Когда Вы будете говорить правду?

— Больше мне говорить нечего. <...>

— Назовите Ваших близких знакомых.

— В селе Котове я со всеми находилась в нормальных взаимоотношениях, но близкой дружбы ни с кем не поддерживала.

Ираида Осиповна была осуждена 7 октября 1944 года на ссылку в Коми АССР сроком на пять лет. Она жила в Сыктывкаре и работала на кожобувном комбинате. Работа была очень тяжелой: ей приходилось очищать тюленьи шкуры от жира. В 1945 году Ираида Осиповна написала подробное письмо в Особый отдел НКВД с просьбой пересмотреть дело и освободить ее ввиду невиновности, но получила отказ. Она

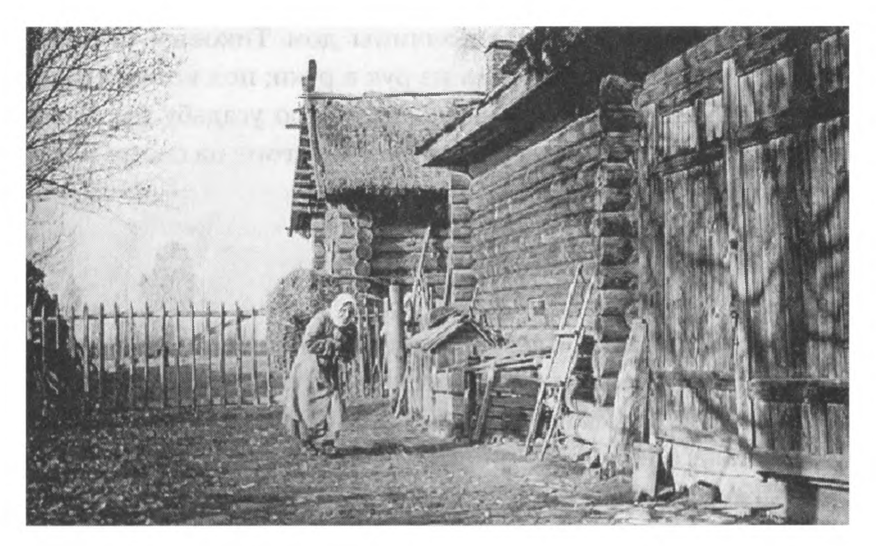
была освобождена в 1948 году, после окончания срока ссылки, и вернулась в Котово.

Здоровье Ираиды Осиповны было подорвано, болели отмороженные руки и ноги. Несмотря на это, она сохранила жизнерадостность и жизнелюбие. Она была весело-задорного характера, охотно шутила, обладала большим человеческим обаянием. Люди тянулись к ней сами. Особенно любили тетю Раю дети. Они постоянно окружали ее. Ираида Осиповна с любовью занималась с ними, ходила в ближайший лес за ягодами и грибами, пела песенки («Птичка Божия не знает...»), учила молитвам, прежде всего, конечно, «Отче наш», прививала любовь к Богу. В ее саду стояло несколько ульев, и на праздник Изнесения Животворящего Креста Господня («Медовый Спас») она всех детей угощала медом.

Успенскую церковь закрыли в 1954–1955 годах. Приехавшая из Углича комиссия изъяла все ценности и утварь.

После этого храм подвергался периодическому разграблению и глумлению. Ираида Осиповна хранила ключи от церкви у себя и делала все возможное, чтобы воспрепятствовать ее разорению: прогоняла назойливых туристов, заменяла сломанные замки новыми. Но остановить разрушение церкви было не в ее силах.

Образ жизни Ираиды Осиповны оставался прежним: она принимала в своем доме монахинь, послушниц и паломников. Любила ее Марфушка, немного сгорбленная старушка, приходившая из окрестностей города Кашина. Она шла босиком, ботинки носила на плече; ночевать любила рядом с домом на кладбище. Жители села считали ее блаженной. Вечерами в «зале» большого дома зажигались лампады, тихо совершалось богослужение. И пока звучало пение молитв, молодые члены семьи, не принимавшие в нем участия, ходили по дому на цыпочках и разговаривали шепотом, чтобы не помешать. В баньке сохранилась домовая церковь епископа Василия, приезжавшие священники изредка совершали в

Ираида Тихова возле баньки, в которой жила вместе с братом.

ней литургию. В этой баньке, году в 1960-м, по просьбе Ираиды Осиповны, была окрещена ее внучатая племянница, и она стала ее крестной матерью. На всю жизнь запомнила маленькая девочка, как при свете лампад молились они с крестной, стоя на коленях перед святыми иконами.

Брат Ираиды Осиповны, Иван Осипович, служил летчиком. В 1955 году он пострадал от аварии, был полностью парализован и двенадцать лет пролежал в постели. Семьи у Ивана не было, и все эти годы Ираида Осиповна одна самоотверженно заботилась о нем. Иван был человеком грузным, и уход за ним требовал от нее предельного напряжения всех сил. Вместе с ним она переселилась в баньку, которую легче было протопить зимой. Там хватало места как раз на двух человек. Материально жила более чем скромно, помогали только ближайшие родственники.

Скончалась Ираида Осиповна 7 августа 1967 года и похоронена на сельском кладбище рядом со всеми родными, возле развалин Успенской церкви. На ее похороны приехало очень много людей. Иван Осипович пережил ее всего лишь

на один месяц. После их кончины дом Тиховых опустел. Несколько раз он переходил из рук в руки; под конец его купил, разобрал и перевез на центральную усадьбу председатель колхоза, а собрать не смог. Банька стоит на своем месте по сей день.

Тропарь, глас 4-й

Благочестно в законе Господни поживши, веру православную сохранила еси, и терпением гонители Церкве Русския посрамивши, страдания за Христа претерпела еси, исповеднице славная Ираидо. Престолу Божию предстоящи, моли спастися душам нашим.

Кондак, глас 4-й

Яко крин благоуханный, посреде пустыни безбожия в земнем отечестве твоем процвела еси, блаженная мати Ираидо, и житие добродетельное исповеданием веры украсивши, востекла еси к Небесному Жениху Христу, Иже увенча тя красотою славы нетленныя.

Основные источники для составления жития

1. ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Д. С-11916.

2. Письмо от 19 января 2001 года и рассказ внучатой племянницы Ираиды Осиповны Тиховой Татьяны, со слов ее бабушки Анастасии Сергеевны Тиховой.

Баба Таля

Рассказ сына священника тверского села Матвеево, краеведа Д. Ивлева, о жизни простой сельской женщины, без ярких подвигов и чудес– иллюстрация слов митр. Антония Сурожского: «Негероической христанской жизни не бывает». Ее верность Богу – подвиг и чудо.

Вид на Преображенский храм от школы, 1961 г., фото Трофимовой М. В.

Судьба так и не свела меня с этой замечательной женщиной. О ней я знаю только из рассказов моего отца, который навещал ее и причащал в последние годы ее жизни. В это время она была полностью слепа, но слова богослужений, заученные с детства, знала наизусть. Наизусть служила литургию, вечерню, утреннее и вечернее правило. Последние годы она и жила для молитвы, только молитвой.

Родилась Наталья 1 сентября 1905 г. Детство ее прошло в обычной крестьянской семье в с. Матвеево Песчаницкой волости, Вышневолоцкого уезда. В те времена сельские храмы стояли отдельно от села, на погосте. Погост именовался с древнейших времен Георгиевско-Чудинский. Здесь Наталью крестили, сюда она ходила в храм вместе с родителями, здесь впервые она восхитилась красотой церковного убранства и богослужения. Здесь, в доме священников братьев Рудаковых, батюшка и матушка учили детей из школы петь церковные песни.

«Мы вместе с Натальей Кудрявцевой учились пению, учились с нами девочки Груша и Шура. Пели мы "Разбойника благоразумного", "Отче наш" на особый мотив и другие песнопения. С 13 лет я пела в хоре и читала на клиросе»,— вспоминала Наталья Николаевна. Трое братьев о. Иоанна были священниками, а четвертый — учителем, обе дочери о. Михаила Сперанского также были учительницами. Рядом с ними жил староста прихода Василий Петрович Петров, бывший военный, Георгиевский кавалер, а прямо напротив храма стояло здание Чудинского земского начального училища, куда подросшая Наталья пришла учиться.

«Когда я выросла,— вспоминала Наталья Николаевна,— *меня и брата отдали в школу. Учительницей тогда была Варвара Михайловна Сперанская. Она преподавала арифметику, русский язык, письмо. Варвара Михайловна любила с учениками ходить по праздникам в церковь, там она стояла всегда около иконы святой великомученицы Варвары. Закон Божий преподавал священник Александр Рудаков. В то время с о. Александром служил дьякон Иван*

Алексеевич Архангельский. Однажды мы все вышли и сфотографировались на крыльце школы...»

Ученики Чудинского училища. В первом ряду Н. Н. Ипполитова.

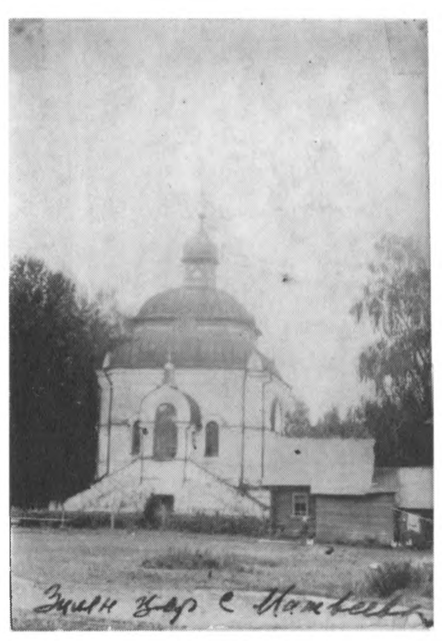
Вот эта фотография, словно окно в иной мир, безвозвратно утерянный. Их ждет война, голод, репрессии и крепостное право в колхозах. Из них кого-то расстреляют как врага народа, кто-то умрет от голода, кого-то будут гнать за веру. Всех их разметал по свету кровавый ураган XX столетия. Приход лишился духовенства, но он продолжал жить верностью мирян.

И среди этих верных – Наталья Николаевна Ипполитова, обычная крестьянка. Она вышла замуж за Василия Владимировича Ипполитова, работала в колхозе. До войны у них родились четверо детей – сыновья Арсений и Виктор, дочери Антонина и Маргарита.

Но была у нее еще другая, приходская жизнь, поглотившая Наталью с детских лет. Эта жизнь то угасала, то вновь разгоралась, как свеча на ветру. В середине 30-х монахиня бывшей Спировской Успенской киновии Евдокия (Ершова) органи-

зовала богослужения в закрытых матвеевских храмах – и получила за это лагерный срок.

Следующего возрождения богослужебной жизни пришлось ждать целое десятилетие. В годы войны государству понадобилось опереться на авторитет Церкви, началась «оттепель». Верующие собирали пожертвования на нужды фронта, а летом 1944 года приход был открыт. Первый священник, прослужив пять месяцев, принял монашество и был возведен в сан епископа. Его сменил только что рукоположенный о. Михаил Белов, прослуживший на приходе все 18 лет «оттепели», до начала хрущевских гонений.

Георгиевская церковь
с. Матвеево, ф. 1950-е гг.

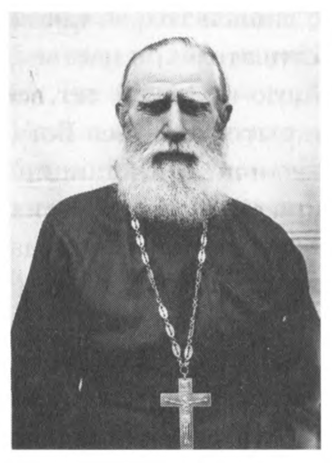
В 1941 г. погиб на фронте муж Наталии, она осталась вдовой с четырьмя детьми на руках. Нищенская оплата трудодней в сочетании с тяжелой работой свинарки в колхозе «Вперед», непосильный продналог государству позволяли только выживать. Колхоз и приход сосуществовали мирно, помогая друг другу. Особых трений из-за отсутствия верующих колхозников на работе в богослужебные дни не было. Вместе с Натальей Ипполитовой – негласным руководителем хора, пели в церкви Анастасия Алексеевна Трофимова, Александра Семенова, Наталья Красовская, Егор Беликов по прозвищу Шаляпин.

Весной 1961 года Наталью Николаевну избрали старостой прихода. Однако уже осенью начались новые гонения на Церковь.

Началось все с незначительной оплошности. Уполномоченному по делам РПЦ В. Хевронову не понравилось, что староста не смогла срочно прибыть к нему по его указанию, «по случаю подъема льна в колхозе» – и он снимает церковный совет с регистрации. Начинается утомительная переписка и хождение «по инстанциям» в попытках не допустить закрытия прихода: «Товарищ Хевронов нам сказал: что съездили? Результат не сказал, объявил, что я нечестная женщина. Я работница колхоза, работала 18 лет свинаркой и была лишь только премирована, а от него услышала неприятное оскорбление. Колхозница Ипполитова Н. Н.».

Хевронов пишет в Москву донесение, в котором священник Михаил Белов, оказывается, служит лишь для того, чтобы *«обогащаться за счет злоупотребления в церкви и нарушения советских законов»*. Уполномоченный нашел способ надавить на правящего архиерея – и о. Михаил отправлен сперва на другой приход, а затем за штат.

«Современное состояние нашего народа так плохо, что нужны неимоверные усилия со стороны той части духовенства, которая не изменила своему долгу и призванию, чтобы положить хоть некоторый предел народному разложению... дело наше очень плохо. В народе наш авторитет подрывается, общество не любит, власть не поддерживает. Архиереи выдают нашего брата гражданской власти с головой, страха ради иудейска» (о. Иосиф Фудель). Удивительно точно написано... в 1898 году.

О. Михаил Белов, 1961 г.

Но и новому священнику Михаилу Логиновичу Федорову Хевронов служить на приходе не дал. Он вынудил новую старосту Пелагею Федоровну Шувалову написать заявление о сложении с себя обязаннос-

тей. На этом заявлении стоит приписка Хевронова: *«Я добился этого заявления от нее лично»*. А на запрос из журнала «Коммунист», в который верующие обратились с жалобой, он отписал, что *«религиозная община не в состоянии подобрать из своей среды лиц для управления делами и правильного пользования зданием»*.

Среди «наиболее активных церковников» и «организаторов массовых жалоб» в отчете уполномоченного указана Наталья Николаевна Ипполитова. Она хранила ключи от храма, ведала организацией тайных богослужений мирским чином, продолжала бороться за открытие церкви.

Группа верующих ездила в Вышний Волочек к отцу Михаилу Белову. Батюшка болел, но несмотря на это, все же совершал требы. Местная пресса обрушила на него за это поток клеветы, переживания подорвали его здоровье. Батюшка перенес инсульт. И вот верующие на коленях просят его снова вернуться в родные стены. Отец Михаил обещал подумать. Вскоре случился второй инсульт, и после причастия Святых Таин, 1 мая 1966 г. священник преставился. К его жизни вполне применимы слова архиеп. Алексия Литовского: «Насколько вымирает в ежечасных страданиях естественная жизнь проповедника или пастыря, настолько лишь и только таким путем насаждается жизнь духовная в слушателях, в пастве». О. Михаилу удалось воспитать достойную паству: 6 лет верующие упорно боролись за право открыто молиться Богу, причащаться Христу. Они пишут в различные инстанции. На подписных листах сто и более подписей. Мужество этих людей можно оценить только в контексте их эпохи – когда еще не забыт был 1937-й. Все могло бы повернуться назад, и тогда их подписи под прошениями и жалобами стали бы их приговором. Они открыто исповедовали свою веру и всерьез надеялись победить.

В 1963 году ученые предлагают забрать в музей редкие иконы 16 века – но староста уверенно возражает: храм скоро

Староста прихода
Ипполитова Н. Н.

откроют. Увы, через год после закрытия храма эти иконы были похищены и всплыли позже в частных коллекциях.

Силы были неравны, все попытки зарегистрировать общину пресекались. А председатель райисполкома Дьячков прямо отвечал: *«Сколько не хлопочите, все равно церкви вам не будет»*. Даже уполномоченный констатировал, что он *«встал на путь открытого игнорирования Советских законов о религиозных организациях»*.

Храм был обречен. 21 сентября 1967 г., в день своего престольного праздника он был закрыт — на следующие 22 года. Но духовная жизнь прихода продолжалась. Наталья Николаевна стала организовывать крестные ходы и молебны по большим церковным праздникам. На Пасху все с пением, с простыми домашними образами и со свечами шли вокруг храмов и по кладбищу. Церковь жила.

О вере Натальи Николаевны свидетельствует случай, о котором рассказывают местные жители. В 50-х годах в селе бушевал пожар, уничтоживший почти всю центральную улицу. Дул сильный ветер, и огонь перекидывался с дома на дом. Наталья Николаевна взяла икону и пасхальное яйцо и перед бушующим пламенем обошла свой дом вокруг. Ветер сменил направление, и пожар пошел на убыль...

Бабе Тале — так называли ее в селе, суждено было участвовать и в открытии храмов в 1989 г. Первая уборка, косметический ремонт, первая служба, освящение престола — все это помнила Наталья Николаевна. Она руководила хором, пока не ослепла. Но и в своей комнате наизусть продолжала она петь литургию, вечерню. Она отошла ко Господу 23 марта 2003 года.

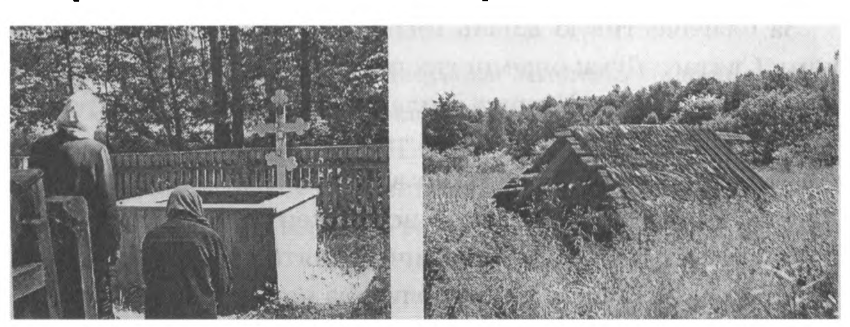
Мысленным взором я вижу эту женщину. Вот она девочкой впервые входит под своды родного храма. Вся жизнь ее протекла под их сенью.

И вот она престарелая, слепая, перед иконами в святом углу, обращенном в сторону храмов и погоста, тихим голосом поет на закате «Свете тихий святыя славы Бессмертного Отца Небеснаго Святаго Блаженнаго Иисусе Христе, пришедше на запад солнце, видевше свет вечерний поем Отца и Сына и Святаго Духа Бога...» А закат догорает над куполами храма, отражаясь в огненно-красном зеркале старинного пруда, свет в комнате меркнет. И остается огонек лампады перед ликом Всевечного Христа.

Источник: Д. Ивлев «На старой Чудинской дороге», Вышний Волочек, 2010 г., с сокращениями.

Молочный источник

В трех километрах от села Пашково Земетчинского района, Пензенской области, в глубине живописного леса, есть источник, именуемый Молочным. Здесь, по старинному преданию, чудесным образом явилась икона Божией Матери «Млекопитательница». Самый источник находится в глубоком овраге. Кристально чистая ключевая вода мелкими струйками бьет из серебристо-белого песка, создавая впечатление кипящего молока. Это место верующие Пензенской, Тамбовской и Рязанской губерний исстари почитали святым. Старожилы говорят, что когда-то в этих местах по рекам Ват и Выша стояли скиты, где спасались монахи. Вот и все, что нам известно об истории Молочного источника до революции.

Молочный источник и остатки кельи подвижников.

Во время гонений 30-х — 40-х годов здесь находилась тайная православная община верующих.

Анастасия Кузьминична Мишина (блаженная Анастасия Пашковская) сподобилась видения Божией Матери, повелевшей ей собрать верных и спасаться на Молочном источнике.

Блаженная Анастасия родилась 4 ноября 1881 года в с. Раево Моршанского уезда Пензенской области, была духовной дочерью известного пензенского священника о. Николая Болоховского. Она имела семью – муж Федор и двое сыновей,– и ее примеру последовали несколько верующих семей, присоединившихся к общине, в которой всего было около тридцати человек.

День начинали в пять утра: читали правило, затем каноны, акафисты, многие из которых знали наизусть. Потом каждый насельник получал от Анастасии послушание. Например, кто-то навещал болящих в селе, кто-то возил дрова, кого-то посылали по надобности в Вышинскую пустынь. Некоторые отлучались в пешие паломничества к святыням в Дивеево, Сергиев Посад, Киев.

У Анастасии и Федора в Раево были дом, сад и пасека. Хозяйство вел Федор, а все плоды трудов супруги раздавали болящим и страждущим. В общине очень почитали прп. Серафима Саровского и Божию Матерь. На службы ходили в с. Салтыково.

За благочестивую жизнь Господь наделил Анастасию дарами Святаго Духа: она многих исцеляла, прозревала судьбы и события. В селе Ушинка жила благочестивая раба Божия Анна Петровна Суханова – местный агроном. Председатель исполкома узнал, что она верит в Бога, и на Анну завели дело. В назначенный день в Земетчино должен был состояться суд, на котором с нее хотели публично снять крест. Когда Анна обратилась к Анастасии, то получила ответ: «Езжай на суд – Господь все управит». По совету Анастасии, Анна приехала в Земетчино, и оказалось, что председателя внезапно сняли с должности и перевели в другое место. Суд не состоялся, и само дело было забыто. Известен и другой случай. Однажды

Община верующих у Молочного источника.

в Знаменской округе из-за сильной засухи погибал урожай. Как агроном Анна Петровна Суханова была этим сильно обеспокоена. Зная о силе молитвы Анастасии, она повезла подвижницу в Ушинку молиться о ниспослании дождя. Как только они доехали до Ушинской горы, грянул сильный ливень, и урожай был спасен.

В 1945 году, 9 октября, Анастасия Мишина была арестована. Общину предательски выдали властям. Молочный источник окружили сотрудники НКВД, около двух десятков подвижников арестовали. В Земетчино провели общий допрос.

— Ну и за что же вы здесь все оказались? — спрашивал следователь.

— За веру. Молились мы.

— Ну что, будете еще молиться?

— Будем, будем молиться,— послышался ответ хором.

— Так вы понимаете, что вас всех расстреляют и пересажают.

— Ну и что же. Как молились, так и будем молиться.

После допроса их всех доставили в Пензу. В это время судили группу пензенских верующих, некоторых из них уже приговорили к расстрелу. Анастасию заключили в одну камеру с пензяками, и она сказала, что осужденные на смерть останутся в живых. Это было невозможно, но подвижница всю ответственность за пензенских верующих взяла на себя, и расстрел заменили заключением. В Пензенской тюрьме верующие пели духовные песни, молились, получали передачи, так как народу к ним приходило очень много.

Следователь не раз спрашивал Анастасию, на что она надеется, но получал лишь один ответ: «Надеюсь на Божию Матерь». Наказание исповедница отбывала в одиночной камере (изоляторе) тюрьмы г. Владимира, откуда освободилась лишь в 1954 году, после смерти Сталина. Сохранился платочек с цветочками, который она вышила, находясь в изоляторе Владимирской тюрьмы. Этот платочек не стиран со времен 40-х годов и выглядит чистым. Платочек хранится в музее Керенского Тихвинского мужского монастыря вместе с письмом, датированным 3 марта 1948 года:

«Здравствуйте, милыя мои и дорогие детки Нюша, Феня, кланяюсь вам и целую несчетно раз, и желаю от Господа Бога добраго здравия и душевнаго спокойствия. Милыя мои доченьки, жму вас к своей наболевшей душе, я очень об вас соскучилась, не могу высказать. И так же целую моих дорогих внучат: Толю, Серафиму, Шуру, Маню, Борю, Валю и желаю им расти в послушании и в понятии в школьном учении и милаго моего Коленьку целую всех больше.

Милыя мои детки, я хочу вам написать, что у нас вышло новое постановление: письмы писали 2 пис. в месяц, а теперь 2 письма в год, передачи отменили и посылки, а только разрешаются денежныя переводы. Милыя мои детки, вы себя жалейте, много не разоряйтесь, деньги у меня еще ведутся, а если будете в силах прислать денег — не раньше Троицы.

Я вам очень благодарна, на это письмо напишите ответ поскорее, а следующее письмо будете писать, когда я вам пришлю, а вы мне ответите.

Милыя детки Нюша и Феня, прошу вас, напишите милому моему сыночку и дорогой невестке, Саше и Нюре и Мите. Кланяюсь им и желаю от Бога доброго здравия и всякого благополучия в их жизни. Милыя мои детки, вы обо мне сильно безпокоитесь и пишите, как я переношу все со своим больным сердцем. Детки, прошу вас не безпокоитесь, мне неплохо и здоровье мое улучшилось, слава Богу. Одно только меня безпокоит, что не вижу вас и как вы живете: ведь я одна, а вас десять человек, по куску одному – надо десять кусков. А я сыта и одета, и обута. У вас целая корова и овечки, если целые, то слава Богу, и как ваше здоровье? Напишите, все ли живы. Остаюсь ваша доброжелательница, мама и бабушка. До свидания, жду скорого ответа, как соловей лета. Живите дружнее в совете и любви, где любовь и совет, тут и Бог, и спворенье, и благодать в доме. Шлю вам родительское благословение».

Мишина Анастасия Кузьминична.

После освобождения подвижница жила в родном селе без права выезда. Долгие годы тюрьмы не сломили твердой веры Анастасии, не нарушили любви и мира в ее сердце. Она по-прежнему оставалась человеком необыкновенной доброты, такой же улыбчивой, матерью семейства, наставницей общины. Многих людей она привела к Богу как при жизни, так и после своей смерти. Всех исцеляла, поднимала на одре лежащих. По ее молитвам Господь исцелил сноху, которая задыхалась,

а однажды Анастасия исцелила рабу Божию Нину, которая много лет была прикована к постели, но встала и пошла. В 1956 году умер муж Анастасии Федор. Сама она почила 2 апреля 1959 года на 78-м году земной жизни и похоронена на кладбище села Пашково Земетчинского района. Однажды на Светлой Седмице известный в Земетчинских краях подвижник Василий Лебедянский молился на могилке Анастасии и, прославляя Бога, не заметил, как оказался стоящим в воздухе, на локоть от земли. Поминать об упокоении Анастасию Пашковскую принято в Светлый Четверг.

Священник Борис Павлович Чуньков родился 24 июля 1884 года в селе Гаугеровка, ныне Башмаковского района Пензенской области. В 1917 году принял сан. Первоначально служил в родном селе Гаугеровка и соседней Матчерке. Бывал на Молочном источнике. В начале 30-х его выгнали из собственного дома с четырьмя детьми на руках, а сельчанам пускать батюшку в свои дома строго запретили. Семье пришлось скитаться. Однажды их пустили в баню, но хозяева, испугавшись, скоро выгнали семью. Некоторое время до 1937 года отец Борис служил в селе Рянза Земетчинского района, где 8 ноября был арестован. Батюшку обвинили в распространении листовок религиозного содержания и приговорили к расстрелу. Священник Борис Павлович Чуньков был расстрелян 20 января 1938 года в г. Моршанске. Место его захоронения нам неизвестно. Его духовную деятельность продолжили дети: Мария, Анна, Дмитрий, Александра.

Мария Борисовна Чунькова – дочь священника Бориса Чунькова, родилась 18/31 января 1907 года в селе Гаугеровка. Ее муж рано умер от тяжелой болезни, и Мария встала на путь благочестивого вдовства, решив всю жизнь посвятить Богу. Она пела на клиросе в церкви села Салтыково, жила в общине на Молочном источнике. Отличалась редким смирением, добротой, была сугубой постницей, непрестанной молитвенницей. Вставала Мария с рассветом и до обеда ничего не вку-

Чунькова Мария Борисовна.

шала, а только молилась. По ее молитвам бывали чудеса и исцеления. Часто Мария ходила по святым местам: в Дивеево, Киев, Почаев, Троице-Сергиеву Лавру, Свято-Данилов монастырь, и везде ее встречали как свою, везде ей были рады.

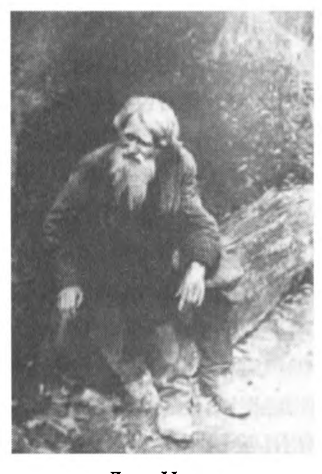
14 октября 1945 года Мария была арестована и приговорена к шести годам заключения. Наказание отбывала сначала в Соловецкой тюрьме, затем была переведена в лагеря близ поселка Инта Северного Урала. Последние годы срока Мария жила в семье врача, занималась воспитанием его детей. Однажды врач предложил ей сделать документ, чтобы по освобождении получать пенсию, но Мария отказалась: «Мне вражьего не надо».

Мария жила в целомудрии. Она была трижды парализована. Вернувшись на родину, продолжила подвижнический образ жизни. Ходила с брезентовой сумкой полной религиозных книг – читала по усопшим Псалтырь. Сподобилась от Господа дара различения духов. Бывало, приедет к своей племяннице в гости в Саратов, а квартира у той была неосвященная. Помолится, ляжет спать, а утром и говорит: «Тяжело было спать, всю ночь бесы одеяло стягивали». Впоследствии старалась избегать таких ночевок. Почила Мария в глубокой старости на Светлое Христово Воскресение, 25 апреля 1987 года. Разговелась яичком, трижды пропела «Христос Воскресе из мертвых» и отошла ко Господу. Похоронена подвижница в центре кладбища села Раево.

Дмитрий Борисович Чуньков – сын священника Бориса Чунькова, был грамотным, имел благообразный вид и хороший голос. Служил диаконом с отцом при церкви села Гаугеровка. Некоторое время проживал на Молочном источнике.

Когда у Дмитрия появилось желание оставить духовный путь и поступить в институт, Господь остановил его: он простудился и был парализован. Восприняв это обстоятельство как вразумление, Дмитрий оставил желание идти в институт и вскоре поправился. Поселившись в ветхой избенке на краю села Раево (в Стефино), стал проводить время в бдениях и молитвах. Условия были тяжелыми, приходилось жить в каморке с крысами, но он ничего в жизни не боялся, кроме Бога. Когда Дмитрий умер, на месте его лачуги было явление Божьего храма.

Дядя Иаков (Гаврин Яков Алексеевич) родился в 1880 году в селе Ушинка Керенского уезда, Пензенской губернии и происходил из крестьян. В родном селе женился на рабе Божией Полине (Гавриной Пелагее Васильевне). Супруги проживали на Молочном источнике, отличались глубокой верой в Бога, благочестием и необыкновенной добротой. Дядя Иаков был явно отмечен благодатью Святаго Духа. Например, будучи почти слепым, он открывал Священное Писание на любой странице и свободно читал. Бывало, когда на улице шел ливень, он заходил в избу совершенно сухим – дождь не мочил его. Над головами у некоторых девиц Иаков еще при их жизни видел венцы, однако сказывать о том до времени никому не велел.

Дядя Иаков.

В 1945 году они вместе с супругой были арестованы на Молочном источнике, приговорены к 5 годам лишения свободы и сосланы в Воркуту. Позднее их разъединили и отправили в разные места. Вернувшись в родные края, супруги снова встретились. Старец Иаков почил о Господе в 1960-х годах.

Анастасия Дмитриевна Барышова родилась в 1923 году в селе Н. Матчерка Земетчинского района Пензенской обла-

Барышова
Анастасия Дмитриевна.

сти, девица, с 1941 года жила, трудилась, молилась в общине на Молочном источнике и была арестована вместе с другими верующими. Наказание отбывала в Архангельской области. Непреклонно хранила девство, из-за чего посылалась на самые тяжелые работы, связанные с рыбным промыслом: «Часами стояла по пояс в воде, в обледенелом резиновом фартуке». Вернулась в село Пашково, страдая тяжелой формой ревматизма, была парализована. Почила о Господе в 70-х годах.

Анна Петровна Мишина родилась в 1924 году в семье коммунистов, познакомилась с семьей Анастасии и вышла замуж за ее сына Александра. Знакомство с семьей подвижницы зажгло в сердце девушки огонь православной веры, и Анна поселилась на Молочном источнике. После того как на источнике всех арестовали, Анастасия поручила Анне быть вместо нее, но вскоре, 9 апреля 1948 года, была арестована и сама Анна. В лагере, в Мордовии, заставляли работать практически без отдыха: день и ночь шили фуфайки для Красной армии. К узникам обращались по номерам, нашитым на одежде, к некоторым применялись пытки. Ночами изможденных людей выводили на улицу, и каждый раз все думали, что на расстрел. Освободившись по амнистии в 1955 году, Анна

Мишина Анна Петровна.

вернулась на родину, оставшись доброй и глубоко верующей женщиной.

В 50-е годы подвижников Молочного источника окормлял священник церкви села Салтыково о. Иоанн Васильевич Сазонов. В 1956 году он отпевал мужа Анастасии Федора. По предсказанию Анастасии, на похоронах поднялся ураган, и она сказала: «Видите! Так враг борется за каждую душу». Федор был человеком суровым и порой роптал. Он был арестован одним из первых 9 декабря 1942 года и отправлен в Карлаг на 8 лет. Перед смертью он крепко уверовал в Бога и, покаявшись в грехах, почил с миром. Последней одинокой насельницей была Анна, на праздник Крещения она пошла в церковь села Салтыково, где и почила о Господе.

Сегодня Молочный источник мало кому известен, о нем знают лишь местные жители. На карте Пензенской области это самая отдаленная от Пензы точка. Хорошей дороги туда нет, и проехать можно лишь на тракторе. Но добравшись до этого святого места, увидишь остатки хижин, напьешься воды и ощутишь великую благодать, которую в годы гонений стяжали здесь многие молитвенники святой земли Земетчинской. Жительница города Покровска Саратовской области Мария Семеновна Екатериничева, внучка подвижницы Анастасии Пашковской, еще в детстве набрала из Молочного источника святой воды. Она и теперь, спустя 60 лет, хранится, не теряя своих качеств. Мария Семеновна и рассказала всю историю Молочного родника Сергею Владимировичу Зелеву – пензенскому краеведу, опубликовавшему ее в книге «Сурская Голгофа».

Пал Лисев

Во второй половине XIX века родился в Земетчинском районе Пензенской области блаженный Павел Алексеевич (Елисеевич), здесь и протекала вся его жизнь. Звали его, сократив отчество, Пал Лисев. Со слов местных старожилов, был он мужем высокого роста, могучий – «косая сажень в плечах», с длинными волосами. Нес подвиг Христа ради юродства, что выражалось в его жизненном образе, поступках и высказываниях. Лето и зиму блаженный ходил по округе «босый», но, чтобы не подвергнуться пагубе тщеславия, он, как только завидит человека, сразу надевал онучи, а как минет человек – снимал их. Обладал даром прозорливости, пророчествовал. Странствуя по селам Земетчинского района, Пал Лисев предсказывал близость антихристова времени и увещевал сельчан следующими высказываниями: «Будут девицы – бесстыжие лица», «Будут люди как звери – подходить к одной двери», «Будут всюду куски лакомые, вокруг ходить будешь, а в зубы не возьмешь», «Будет земля паутиной опутана, будут и самолеты, и связь».

Был сострадательным, помогал обездоленным, вдовам, тяжко болящим, на одре лежащим. Общался он не с каждым человеком, причем обращался не иначе как – «безумный», в чем выражалось его уважение к собеседнику. Однажды, дело это было в Земетчино, приходит блаженный к Александру Ефимовичу Кирпичеву и говорит:

– Безумный! Запрягай лошадь.

— Пал Лисеич, а куда?

— Безумный, не спрашивай, запрягай.

Запряг Александр Ефимович лошадь, зовет блаженного:

— Садись, Пал Лисеич.

Зима была, а он — разутый и в одном халате. Доехали до какого-то домика.

— Останавливай, безумный, грузи дрова.

— Зачем, Пал Лисеич?

— Не спрашивай, грузи.

Нагрузивши сани дровами, поехали; остановились у дома одной вдовицы, больной и одинокой.

— Безумный, затопи ей печь.

Стал Ефимович печь топить. Выходит из избы, а уж Пал Лисева и след простыл.

Блаженный не был человеком темным, безграмотным. Он пел по книгам на клиросах в местных церквах, вел наблюдения за природными явлениями, которые записывал в свой дневник. Последний и до сих пор ходит по жителям с. Ижморы. Интересно, что природные явления он соотносил с таковыми в отдаленном будущем. Так, например, предсказывал, что погода такого-то года XIX века в точности повториться в таком-то году в XX-м. С годами местные люди стали замечать, что предсказания эти сбываются. Блаженный долгое время жил в Ижморе и Ушинке и снискал уважение не только в ближайших селах, но и во всем Керенском уезде.

С приходом советской власти на Пал Лисева начались гонения. Когда в 20-е годы за антисоветскую агитацию он был арестован, то в моршанской тюрьме произошел удивительный случай. Вызвали его как-то на допрос. Пал Лисев говорит следователю:

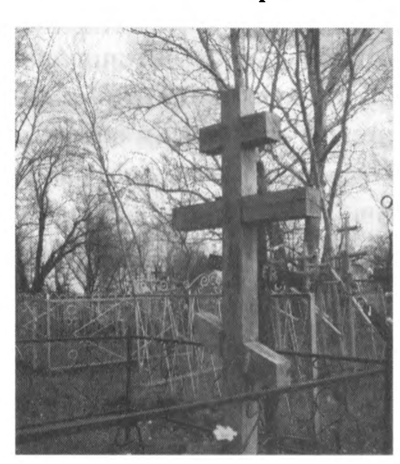
— Безумный, тебя дома ждут.

— Я тебя сейчас допрашивать буду, садись.

— Безумный, говорю, тебя дома ждут. Меня завтра допросишь, я никуда не денусь.

Приходит следователь домой, а там жене пришло время рожать, состояние ее тяжелое. Однако по молитвам блаженного родоразрешение произошло удачно. На следующий день приходит следователь в тюрьму, одел, обул Пал Лисева и отпустил за ворота.

Жизнь его оборвалась в 30-е годы. Как ни почитали в народе Пал Лисева, но находились и люди, которые издевались над ним. Безбожники-активисты стали гадать, как это Пал Лисев холода не боится? Раздели однажды его зимой догола и, что есть духу, пустили на санях. Но с блаженным ничего худого не случилось – привычен он был к морозу. Не раз безбожники избивали его палками, а последний раз избили так сильно, что он испустил дух.

Могила Пал Лисева на кладбище в Большой Ижморе.

С течением времени могилка блаженного на ижморском кладбище затерялась. Но не так давно из Перми приезжал уроженец села Ижморы Федор Степанович Козлов. Его целью было восстановить память о блаженном, жившем когда-то на его родине. Целый месяц он опрашивал местных стариков и отыскал могилу. Сейчас на ней стоят два креста – один новый, добротный, дубовый, поставленный Федором Степановичем, другой – совсем древний, на нем есть только одна надпись – «Пал Лисев».

Послесловие

«Кровъ мучениковъ – семя христианства».

(Тертуллиан)

Воинствующий атеизм, по-своему учитывая исторический опыт, приложил максимум усилий к тому, чтобы не только уничтожить мучеников, но и вовсе стереть память о них со страниц истории. Трупы их максимально обезличивали, в могильниках их кости лежат вперемежку с останками бандитов и безбожников. Места захоронений скрывали и впоследствии уничтожали. Палачи пытались лишить их возможности даже называть себя мучениками за Христа, обвиняя в чем угодно, кроме исповедания своих христианских убеждений.

После войны репрессии носили другой характер, производились массовые закрытия храмов, лишения священнослужителей государственной регистрации и тем самым и средств к существованию, увольнения верующих людей с работы. И большинство народа в ослеплении крушило храмы и рукоплескало своим бесноватым вождям, позволив уничтожить почти все духовенство и наиболее активных, принципиальных мирян.

В начале перестройки коммунисты признавали свой провал: «...*В настоящее время в Советском Союзе тенденции к снижению религиозности нет. Каждый год производится миллион отпеваний, это 20–30% покойников, а отпевание, по моему мнению, наиболее достоверный показатель религиозности, так как при жизни человек врал из-за боязни потерять работу. 30% младенцев крестят. (...) ... И встают вопросы, что партии выгоднее – верующий в Бога, ни во что не верующий или верующий и в Бога, и в коммунизм. Я думаю, что из двух зол выбирают меньшее. По Ленину, партия должна держать под контролем все сферы жизни граждан, а так как верующих никуда не денешь, и наша история показала, что религия всерьез и надолго, то искренне верующего для партии легче сделать верующим также и в коммунизм. И тут перед нами*

*встает задача: воспитание нового типа священника. Подбор и постановка священников – дело партии!.. И давайте смотреть трезво: по нашей воле или против, но религия входит в социализм, и даже не входит, а въезжает, как по рельсам. И так как власть полностью принадлежит нам, то, я думаю, в наших силах направить эти рельсы в ту или иную сторону в зависимости от наших интересов...»** Много ли изменилось с той поры в отношении к Церкви у власть имущих? Улицы городов, на которых стоят наши дома и храмы, часто названы именами гонителей и мучителей ни в чем не повинных людей. И при этом мы не называем улицы и города, храмы именами новомучеников. Не желаем знать, какую цену заплатил наш народ за право открыто исповедовать Христа Богом, молиться и жить по вере. И перед нынешним поколением христиан жития новомучеников ставят вопрос: наша церковная жизнь – насколько она нас реально изменила? Сможем ли отказаться поклоняться идолам современности, когда этот выбор коснется впрямую нас? Сможем ли сказать вслед за свщмч. Гермогеном (Долганевым): *«самые страдания так чудно придуманы (хотя совершаются врагами Божиими и моими) для внутреннейшей, сокровенной, незримой для взора человеческого "встряски" или потрясения, от которых ленивый, сонливый человек приходит в сознание и тревогу, начинает трезвиться (...) и утверждается в душе спасительный страх Божий – этот чудный воспитатель и хранитель нашей духовной жизни... Посему воистину – слава Богу за все...»***

* Религия и перестройка [из сокращенной записи доклада председателя Совета по делам религий К.С. Харчева на встрече с преподавателями ВПШ] (конец марта 1988) (РПЦ в советское время. Кн. 2//М.: Пропилеи.— 1995.— С. 216–218.

** Жития новомучеников и исповедников российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Июнь.//Тверь: Булат. — 2008. — С. 330

Что вам слышится? Оклик конвоя?
Лязг затвора и выстрел глухой?
Незнакомое чувство святое
В этот миг овладеет душой.
С каждым часом сильней и смелее
Из души это чувство росло,
А на карточке желтой – острее
Иссушенное пыткой чело.
В нем слились и упорство, и воля,
Понесенных скорбей торжество,
И огромное озеро горя
В глубине напитало его.
Иерархи в униженном сане,
Лица старых монахов, дьячков
С этих карточек смотрят очами
В новый век на далеких сынов.
Как вы выжили? Как сохранила
Вашу душу седая тюрьма?
Не сломала вас, не убила,
Не свела на допросах с ума?
Словно дети, рыдали и лгали
Здесь герои Гражданской войны.
Только вы в кабинетах молчали,
Не признав клеветы и вины.
Истощились до тени, до нитки,
И не дав торжества палачам,
Претерпели бессонные пытки,
Убивающий свет по ночам.
А наутро, лишь солнце украсит
Над тюрьмою лазоревый свод,
Сам Христос, молчалив и прекрасен,
За Собою вас в рай поведет.

Еп. Каскеленский Геннадий (Гоголев)

«Новомученики и исповедники – это первые и прямые молитвенники за нас, о нашем спасении. Сможем ли мы их понять, усвоить их опыт, получить ответ на наши вопрошания – от этого зависит и наше настоящее, и наше будущее».

Игум. Дамаскин (Орловский)

Содержание

Предисловие 3
Исповедник Георгий Седов 10
Новомученики Бердянские 23
Встреча с дочерью святого. 27
Исповедница Ираида Тихова 30
Баба Таля. 39
Молочный источник 47
Пал Лисев 57
Послесловие 60

ОТКРЫВАЮЩИЕ НЕБО
Новомученики и исповедники

Составители
Дмитрий Михайлов, Татьяна Краснянская

Ответственный редактор А.В. Блинский
Художественный редактор Т.А. Индутная
Технический редактор В.П. Коваленко
Корректор К.В. Шилова

Издательство «САТИСЪ»,
лицензия ИД № 05426 от 20.07.2001 г.
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Большой пр., 8/4, лит А
Тел./факс (812) 323-63-42
satis-redakt@yandex.ru www.satis.spb.ru
Отдел сбыта 305-07-78, 323-63-21
satis_spb@mail.ru satis.spb@gmail.ru
Представительство в Москве
8-926-556-14-20

Формат 60x88/16
Гарнитура NewBaskervilleC
Печ. л. 4.

«Нас отделяет от времени страданий и мученической кончины новомучеников уже почти восемьдесят лет. Произошли большие перемены в общественном сознании, изменилась форма нашего государственного устройства. Но реабилитация невинно пострадавших произошла только на бумаге, господствующим остается весьма настороженное отношение к новомученикам и их почитателям. Государство не желает почтить память невинно пострадавших и даже прославленных святых, которые, конечно, заслуживают этого. Получается, что почитатели новомучеников идут не в ногу с государством, их любовь и почтение — чужды всему обществу. Требуется активная самостоятельность вопреки всему окружающему, на что не многие способны в повседневной жизни.»

Прот. Сергий Правдолюбов

САТИСЪ